

DOI: 10.31648/an.6226

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЦЕННОСТНОЙ
КАРТИНЫ МИРА НИЖЕГОРОДСКОГО
СТАРООБРЯДЧЕСТВА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ
*НИЖЕГОРОДСКИЕ ЕПАРХИАЛЬНЫЕ
ВЕДОМОСТИ* 1865-1868 ГГ.**

**LANGUAGE REPRESENTATION OF THE VALUE SYSTEM
OF THE NIZHNY NOVGOROD OLD BELIEVERS BASED
ON THE NEWSPAPER *NIZHNY NOVGOROD DIOCESAN
GAZETTE* 1865-1868**

Анна Комышкова / Anna Komyshkova

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-8657-4595>

Нижегородский государственный педагогический университет имени
К. Минина / Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University

e-mail: filcomanka@mail.ru

Keywords: old believers, values, language picture of the world, regional journalism

Abstract: This article is devoted to the linguistic research of journalistic essays devoted to Old Believers published in the newspaper *Nizhny Novgorod Diocesan Gazette* in 1865-1868. The culture of Old Believers in the middle of the 19th century in the Nizhny Novgorod land was very developed, which is why for several years the newspaper published essays about the history of this movement. The publication formulated its goal as informing and educating the reader, while the target audience of the newspaper was primarily considered to be rural priests. It is interesting that in the pursuit of an objective presentation of historical facts, the newspaper's journalists represent the system of values of dissenters in a peculiar way. The article analyzes the representation of such concepts as "sacrament", "sin" and "crime", and identifies the main value oppositions that express the conflict between the perception of the world by Old Believers and the authors of newspaper essays: "external – internal", "civil – spiritual".

Нижегородская область с самого начала истории раскола Русской православной церкви играла важную роль в становлении и развитии этого движения. Здесь в XVII веке на реке Керженец был основан первый старообрядческий скит, в 1912 году по числу старообрядцев губерния (вместе с вошедшими позднее в ее состав двумя уездами Костромской губернии) занимала третье место среди великороссийских губерний и областей. В Нижегородской губернии в начале XX века находились духовные и организационные центры шести из пятнадцати крупнейших согласий России [Рудаков 2014, online].

Идеологическая полемика или, точнее, оппозиционность во взглядах на духовную жизнь была обычной для нижегородского общества второй половины XIX века, и это не могло не отразиться в журналистских памятниках эпохи.

Газета *Нижегородские епархиальные ведомости* начала издаваться в 1864 году, ее основатель – епископ Нижегородский и Арзамасский преосвященный Нектарий. Значимой аудиторией, по мнению авторов и редакторов, должны были стать сельские священники, т.к. они, в свою очередь, являлись источником народного просвещения [*Нижегородские епархиальные ведомости* 1864, online]. В соответствии с этими задачами в выпуски первых годов существования газеты (1865-1868 гг.) начинают включаться объемные очерки об истории и современном состоянии раскольнической церкви в Нижегородских пределах. Они публикуются в «неофициальной» части газеты, которая, по мысли редакторов, должна была сообщать материал – основу для проповеднической и общепросветительской деятельности приходских священников.

Поскольку основная функция публицистики – формирование общественного мнения через воздействие на массового читателя, то даже строгие, выдержанные в научном стиле очерки становятся на страницах *Нижегородских епархиальных ведомостей* средством пропаганды оценочного взгляда на старообрядчество и его представителей, средством создания определенной системы ценностей. Изучение этих текстов позволяет судить об основных оппозициях в коллективном сознании аудитории газеты и способах решения этих оппозиций, пропагандируемых СМИ.

Весьма характерное представление о ценностных установках, транслируемых через печатные материалы газеты, дает система номинаций самого старообрядческого движения и его представителей. Следует начать с того, что слово «раскол» в русском языке середины XIX века само по себе содержало негативную коннотацию. В словаре В.И. Даля находим следующее толкование:

Раскол, **отступленье** от учения и правил церкви. Русский раскол основан на желании хранить старину и чистоту веры и на убеждении, что прочие от нее отклонились, почему и зовут себя староверами, старообрядцами; но затем и самый раскол расщепился на десятки толков, нередко и поныне вновь возникающих

(...). Только смешение духовных и гражданских (государственных) отношений некоторыми толками или согласиями делает их **вредными** обществу; но есть **уродливые выродки**, как например нынешние бегуны, которые вовсе не могут быть терпимы. (...) [Даль, online].

Очевидно, в лексикографическом описании В.И. Даля негативная оценка связана с идеей неподчинения законам и правилам государственного порядка (*смешение духовных и гражданских (государственных) отношений*). Так, уже здесь в концептуальной семантике слова «раскол» активизируется оппозиция «светское (гражданское) – духовное».

Характеризуя один из толков старообрядчества, В.И. Даль в другом месте пишет:

Один из самых **дурных, извращенных** толков раскольников беспоповщины (яросл. влад.): бегуны, **не подчиняются никакому гражданскому порядку, не признают никаких властей**; для них царство антихриста настало; они бродяжат весь век, должны умереть в безвестности, на чужбине, и быть тайно зарыты, чтобы **не попасть ни в какие росписи**. Для этого они делятся на странников и странноприимных, поочередно; перед смертью, или даже умерши, бегуны пропадают без вести [Даль, online].

Описание характера этой разновидности раскола не несет никаких отрицательных смыслов, позволяющих называть его дурным и извращенным, единственный повторяющийся смысл, который позволяет оценить феномен, названный словом *бегуны* – это неподчинение закону.

Далее в этом же словаре: «Раскольник, -ница, **отщепенец** по вере, отпавший от своей церкви, исповеданья. (...) Раскольничать – держаться раскола. По нижегородскому Заволжью половина населения числится православным, само себя называет церковниками, но раскольничает, по обычаю, в своих обрядах» [Даль, online]. Обратим внимание, несмотря на то, что общее определение *раскольника* построено через идею веры (*отщепенец по вере*), в примере высказывания с глаголом, образованным от наименования лица, видим характерное сочетание: *раскольничать в обрядах*. Таким образом, в статье актуализировано также весьма характерное для понимания концептуальных значений интересующего нас феномена противопоставление внутреннего и внешнего.

Подобные значения и смысловые оппозиции присутствуют на страницах газеты *Нижегородские епархиальные ведомости* в очерках об истории и жизни раскола. В частности, в этих текстах подчеркивается внешняя привлекательность старообрядчества: «Действуя на жителей своим **на-ружным** благочестиемъ, таинственнымъ появлениемъ, странническимъ **видомъ**, воздержаниемъ и тому подобными **внѣшними** подвигами» [*Очерк внутренней жизни...* 1868, online]. Лексика зрительного восприятия наполняет рассуждения автора очерков о том, почему население Нижегородской губернии склонно симпатизировать расколу. Приведем в пример характерную цитату: «...их **бледный** цвет лица, их **черная**, монашеская

одежда, степенная **походка**, тихая, но самоуверенная речь – все это чрезвычайно располагает к ним простой народ. Их жилища привлекают также внимание своею замечательной **чистотой** и **опрятностью**: внутри всегда **выметено, вымыто**; стены, выкрашенные по большей части **белую** краской, увешаны священными **изображениями** – преимущественно **картинами** страшного суда, мытарств Феодоры, **изображениями** расколуучителей и под.; вь переднем углу стоят старинные **образа** в стеклянном киоте, завешанные **желтой** или другой занавесью; стекла в окнах **светлые, чистые** и непременно полузакрытые **белыми** или **желтыми** занавесками. Почти всегда в домах сих **носятся дым** ладана с кадиланицы, курящейся в божнице...».

Семантика внешнего, подразумевающего наличие противопоставленного внутреннего, дополняется оппозицией «ложное – истинное», которая выражается в текстах очерков особенно ярко на уровне словообразования (основы *лже-, псевдо-*) и грамматики (частица *якобы*). Характерны в отношении духовных лиц наименования *лжеигуменья, лжеинокиня*, а также существительные типа *лжесобор* и т.п. Из описания начала раскола: «Сюда-то к ним в пустыни, как места спасения, – *якобы* «чуждые Никонных еретических новшеств, и *якобы* процветающие древлецерковным благочестием», бежали толпами многие из православных городов и сел, но их ложному воззрению – *якобы* зараженных ересями и наполненных слугами антихристовыми – сынами погибели» [*Исторические очерки...* 1866, online]; «*якобы* ради спасения своей души начали убежать в леса» [*Исторические очерки...* 1866, online].

Также и на уровне лексики – достаточно частотным в употреблении по отношению к номинациям старообрядческой культуры является прилагательное *мнимый*: *мнимые монахи, мнимые монахини, мнимые ревнители древнего благочестия*. Кроме этого, характерны словосочетания: «кажутся бескорыстными», «так называемые старообрядцы». Подобные языковые средства наделяют оппозицию «внешнее – внутреннее» оценочным значением: внешнее, оцениваемое положительно, скрывает внутреннее, оцениваемое отрицательно. Так формируется семантика лжи, которая устойчиво включается в концептуальное поле старообрядчества. Учение на страницах газеты называется «грубой ложью», «заблуждением», «суеверством», переход в раскольники – «совращением», «соблазном». Интересны также метафоры разврата – «гнездо и рассадник раскола», «притон раскола» или «вертеп» (по отношению к старообрядческому скиту) и болезни – «заражение расколом».

Соотнесение раскола с семантикой разврата, блуда достаточно устойчива для русскоязычного сознания, о чем свидетельствует также словарь В.И. Даля. Например, в определении слова *скит* читаем:

Скит, скиток м. Пустынь, общая обитель отшельников, братское, уединенное сожителство в глуши, с отдельными кельями. Раскольничьи монастыри зовутся скитами; строились втихомолку, исподволь, и состоят из хороших, отдельных изб, о многих покоях, с переходами, выходами во все стороны, с тайниками, чердачками, чуланчиками и жилыми подпольями, также нередко между собою связанными под землей; это **вертепы разврата и притоны бродяг** [Даль, online].

Интересно, что фактического подтверждения развратной жизни раскольнических скитов на страницах *Ведомостей*... не приводится, соответствующие значения приписываются элементам старообрядческой культуры облигаторно, некритично. В словаре Даля также нет подобных аргументов, а оценочные языковые средства, находящиеся в одном контексте, акцентируют внимание на идее тайности, скрытности (*строились втихомолку, исподволь; с тайниками, чердачками, чуланчиками и подпольями*). Таким образом, *скит* как часть культуры старообрядчества концептуализируется как место греховное, оттого что скрытое. На наш взгляд, такое понимание вписано в оппозицию «гражданское – духовное», т.к. преступность тайного заключается именно в отклонении от гражданской нормы, от закона: отрицательное проявление в сфере гражданского оценивается отрицательно и с точки зрения духовного. Если рассматривать это концептуальное значение в системе «внешнее – внутреннее», то здесь, очевидно, внешняя невыраженность (тайное – с точки зрения внешнего равно нулю) скрывает отрицательно оцениваемое внутреннее.

Иное отношение к оппозиции «гражданское – духовное» прослеживается в описаниях действий самих старообрядцев и сочувствующих им, по которым частично можно реконструировать фрагменты иной картины мира. В очерках неоднократно описаны случаи нарушения старообрядцами гражданского закона: побег, помощь беглым, подкупы и взятки. Очевидно, что подобные преступления не соотносятся с грехом, характерный пример: «беглецы везде у своих единоверцев находили **радушный прием**». А вот нарушения церковной обрядовости явно являются в глазах раскольников греховными, воспринимаются как отклонения в духовной сфере жизни и оцениваются отрицательно. Проанализируем один пример:

Строгую казнию подвергали священника и за то, если он принесенного ему раскольнического младенца, не крестив, отсылал назад, а в книгах показывал его крещенным. Для избежания подозрения в подобном злоупотреблении, священники непременно должны были крестить раскольнических детей при свидетелях, иметь восприемников из православных. По истечении семилетнего возраста крещенных православными иереями младенцев раскольнических повелено было непременно приводить в церковь для исповеди и причастия. За неисполнение этого указа родители младенца подвергались наказанию [*Исторические очерки*... 1866, online].

Данный фрагмент обнаруживает следующие смыслы: для православного священника (никонианина) крестить младенца из старообрядческой семьи не является грехом, хотя, очевидно, что ни родители, ни сам младенец не будут участвовать в таинстве должным образом. Однако лжесвидетельство – гражданское преступление – является основанием для наказания. Крещение младенца оказывается отнесенным, с точки зрения одних, к сфере государственного устройства, с точки зрения других – к сфере религии. Автор очерка наделяет бóльшим ценностным «весом» гражданское преступление, а не нарушение таинства. Для раскольника же, как следует из приведенного фрагмента, утаивание информации от государства является меньшим по ценности преступлением, чем совершение таинства крещения не надлежащим образом. Со стороны старообрядца, конфликт между внешним и внутренним в сфере гражданской (показывать в книгах) допустим, в сфере духовной (крестить при свидетелях) – недопустим. С точки зрения автора очерка, наоборот, противопоставленность внешнего и внутреннего в гражданской сфере – недопустима (это ложь, преступление), в сфере духовной – допустима.

Таким образом, на страницах *Ведомостей*... репрезентированы две разные картины мира: ценностное содержание одной сосредоточено в сфере государственного (гражданского), а другой – в сфере духовного (церковного). Однако было бы слишком просто считать, что первая система соотносится с мировоззрением русской православной церкви середины XIX века, а вторая со взглядом на мир старообрядчества того же времени. Эта оппозиция, кроме концепта греха, таинства, соотносится с концептом знания. Примеры номинаций старообрядческого учения, приведенные выше (*зablуждение, суевеpство, ложь*), также соотносятся именно с этим концептом.

Анализ языка исследуемых очерков о старообрядцах дает основания полагать, что причиной «отступления раскольников от церкви» следует считать не какое-то древнее знание, а именно **незнание**, непросвещенность, малограмотность, косность. В противовес этому *Ведомости*... пропагандируют рациональный, просвещенный взгляд на мир. Так, в описании ранней истории раскола в XVIII веке приводится в пример письмо одного из знатных представителей старообрядчества к Петру I: «Ей свет надежа христианская царь государь, невежа и поселянин **во глубину писания богословского не знаю**. Но что слышал есмь от отцов своих, то и делаю, а литоргийного служения я **совершенно не знаю** ни в старых ни в новых служебниках **не сматривал**, для того что у нас в пустыни церкви нет и не бывало и доньне» [*Начало и распространение раскола...* 1865, online]. Автор письма просит о снисхождении царя в известных налоговых выплатах, объясняя свою приверженность старообрядчеству невежеством. При этом отступать от раскола он не хочет, т.к. традиция имеет для него большую ценность, чем просвещение и даже чем государственный закон.

Еще один пример находим в описании жизни боярина Федора Токмачева: «Мне бо аще треперстно сложив знаменатися имам, небо страшными поразит мя громы, воздух ужасными вострясет вихры, земля развершися поглотит мя жива, яко дерзопреступника и анафематствованнаго человека». До того было глубоко **ослепление**, так врезались мнения раскольнические в голову Токмачева, что он ради их готов принять был и мученическую смерть» [*Исторические очерки...* 1866, online]. Внешнее проявление отступления от веры (троеперстие) вызывает у героя ужас, выраженный мифологическими картинами. При этом отношение автора уже не критическое, а сочувственное, о чем свидетельствует прилагательное *мученическая*, имеющее положительную коннотацию. Появление мелиоративных оценок связано именно с сочувствием к необразованности, непросвещенности. Подтверждение этому находим и в других контекстах, например, при описании клятвы, которую должен был давать раскольник в подтверждение своего перехода в лоно православной церкви:

Не могло быть сомнения в **искренности** сего обращения. Русский человек при его **религиозности**, при его **уважении** и **благоговении** к **священным** предметам, не мог произносить подобной клятвы ложно. Он скорее решался **пожертвовать** всем, даже жизнью, чем проклясть себя, своих родных и своих учителей, если действительно верил в правоту своего и их дела, и если он проклинал свое заблуждение, себя самого и своих близких, то не могло быть сомнения в том, что он сознавал свое заблуждение и отказывался от него [*Исторические очерки...* 1866, online].

Здесь к характеру раскольника относят такие качества, как искренность, религиозность, уважение, благоговение, жертвенность. Подобный пассаж еще раз подтверждает наше предположение о том, что формирование образа расколичества как болезни, развращающего учения, блудного, греховного образа жизни связано с необходимостью отрицательно оценить отношение старообрядчества к государству, к сфере гражданского. В сфере духовного отрицательные оценки связаны с семантикой заблуждения, невежества, которые достойны сочувствия, т.к. не отрицают сосуществования положительно оцениваемых «человеческих» свойств представителей старообрядческой культуры.

Библиография

- Даль – *Slovar' živogo velikoruskogo âzyka Vladimira Dalâ*. V: <http://slovardalja.net/> [Dostup 15 IV 2020] [*Словарь живого великорусского языка Владимира Даля*. В: <http://slovardalja.net/> [Dostup 15 IV 2020].
- Istoričeskie očerki iz žizni raskol'nikov v Nižegorodskih predelah*. 1866. «Nižegorodskie eparhial'nye vedomosti» № 2-15. V: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/3143/> [Dostup 15 IV 2020] [*Исторические очерки из жизни раскольников в Нижегородских пределах*. 1866. «Нижегородские епархиальные ведомости»

- № 2-15. В: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/3143/> [Доступ 15 IV 2020].
- Načalo i rasprostranenie raskola v predelah Nižegorodskih*. 1865. «Nižegorodskie eparhial'nye vedomosti» № 14-15. V: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/3142/> [Dostup 15 IV 2020] [*Начало и распространение раскола в пределах Нижегородских*. 1865. «Нижегородские епархиальные ведомости» № 14-15. В: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/3142/> [Доступ 15 IV 2020].
- «Nižegorodskie eparhial'nye vedomosti». 1864. «Polnotekstovye materialy, kolekcii NGOUNB im. V.I. Lenina» № 3. V: <http://www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/periodic/eparh/1864.html> [Dostup 15 XII 2019] [«Нижегородские епархиальные ведомости». 1864. «Полнотекстовые материалы, коллекции НГОУНБ им. В.И. Ленина» № 3. В: <http://www.nounb.sci-nnov.ru/fulltext/periodic/eparh/1864.html> [Доступ 15 XII 2019].
- Očerki iz vnutrennej žizni raskola v Nižegorodskih predelah*. 1868. «Nižegorodskie eparhial'nye vedomosti» № 12. V: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/3153/> [Dostup 15 IV 2020] [*Очерк из внутренней жизни раскола в Нижегородских пределах*. 1868. «Нижегородские епархиальные ведомости» № 12. В: <https://pravoslavnoe-duhovenstvo.ru/library/material/3153/> [Доступ 15 IV 2020].
- Rudakov Sergej V. 1 XII 2014. *Staroobrâdčeskie tolki i soglasiâ na territorii Nižegorodskoj oblasti*. «Russkaâ vera». V: https://ruvera.ru/articles/staroobryadcheskie_soglasija_nijegorodskoj_oblasti [Dostup 15 IV 2020] [Рудаков Сергей В. 1 XII 2014. *Старообрядческие толки и согласия на территории Нижегородской области*. «Русская вера». В: https://ruvera.ru/articles/staroobryadcheskie_soglasija_nijegorodskoj_oblasti [Доступ 15 IV 2020].